

В. И. Шишкин

ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА КОММУНИСТИЧЕСКОМУ РЕЖИМУ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Сибирь являлась одним из тех районов России, где в начале 1920-х гг. продолжалась вооруженная борьба, имевшая широкий размах и упорный характер. В отличие от предшествующих полутора лет, когда вооруженная борьба на территории Сибири велась в основном между регулярными воинскими формированиями «красных» и «белых» и преимущественно на линии фронта, в начале 1920-х гг. ее главным содержанием стало противоборство между разрозненными партизанско-повстанческими отрядами, организованными местным населением, с одной стороны, и регулярными частями Красной армии и иррегулярными коммунистическими формированиями — с другой.

В отечественной историографии тема вооруженного сопротивления населения Сибири коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. не замалчивалась, но и не принадлежала к числу приоритетных. В ее рамках советские историки основное внимание уделяли анализу небольшого круга проблем: социально-экономических и политических причин восстаний, состава их руководителей и участников, классового характера и политической направленности партизанско-повстанческого движения, хода боевых действий и непосредственных результатов вооруженной борьбы. Причем акцент они делали на освещении военной стороны событий.

В то же время многие проблемы, раскрывающие социально-политическое и идейное содержание вооруженной борьбы в Сибири в начале 1920-х гг. (например, освещающие взаимоотношения повстанцев и местного населения, участие и роль в подавлении восстаний органов ВЧК, революционных и военно-революционных трибуналов, долгосрочные последствия мятежей), не рассматривались совсем либо упоминались вскользь. Советские историки никогда не

работали на уровне персоналий, без «выхода» на который нельзя рассчитывать ни на полноту воссоздания картины такого рода событий, ни тем более на глубину его осмысления.

Несмотря на разногласия по отдельным вопросам, имевшиеся среди исследователей, к началу 1960-х гг. в советской историографии сложилась довольно стройная и непротиворечивая концепция, объяснявшая происхождение, динамику и итоги повстанческого движения в Сибири в начале 1920-х гг. Основные причины мятежей историки видели в слабости местных органов так называемой диктатуры пролетариата, в зажиточности сибирского крестьянства и высоком удельном весе в его составе кулачества, в организационно-политической деятельности контрреволюционных сил (прежде всего созданного эсерами Сибирского крестьянского союза), в отступлениях от классового принципа и нарушениях революционной законности, допущенных местными советскими работниками при проведении продразверстки и некоторых других мероприятий. Эта борьба интерпретировалась советскими историками преимущественно как реакция крестьянства на продразверстку (иногда на политику «военного коммунизма» в целом) по происхождению, как белогвардейско-эсеровская по своему руководству, в основном кулацкая по социальному составу и антисоветская по направленности¹.

Появление таких выводов было следствием ряда причин. Среди них в первую очередь нужно назвать догматизацию классового подхода в методологии исследования, некритическое заимствование историками оценок, сделанных по отмеченным вопросам руководством органов РКП(б) и ВЧК, недоступность для историков многих ключевых источников по теме исследования, хранившихся в ведомственных архивах органов государственной безопасности, политико-идеологический контроль со стороны КПСС. В то же время весьма показателен такой факт: наиболее активно занимавшийся изучением этой проблематики исследователь М. А. Богданов был знаком со многими повстанческими документами, имевшимися в архивах, но игнорировал содержащуюся в них информацию.

Перестройка и гласность спровоцировали общественный интерес к истории повстанческого движения в Сибири начала 1920-х гг., облегчили историкам доступ к ранее засекреченным источникам по теме исследования, позволили высказываться без оглядки на коммунистическую цензуру. Однако в начале 1990-х гг. общественный интерес к истории этих драматических событий взялись удовлетворять люди, профессионально плохо подготовленные для решения столь сложной задачи, никогда не занимавшиеся изучением данной темы, не знавшие не только новых, но и старых источников. В их числе оказались, например, писатели К. Я. Лагунов, В. А. Солоухин и М. С. Шангин.

Складывается впечатление, что большинство авторов таких публикаций жаждали как можно скорее приобщиться к актуальной теме, нежели способствовать ее пониманию.

К тому же постсоветская историография начала 1990-х гг. оказалась серьезно поражена очередным политико-идеологическим недугом конъюнктурного характера — на этот раз вирусом антикоммунизма. Авторы ряда публикаций о мятежах в Сибири начала 1920-х гг. в основном стремились решить две простейшие, но далекие от подлинной науки задачи: заклеить коммунистов и воскурить фимиам крестьянам-повстанцам².

Вместе с тем в последние полтора десятилетия в изучении вооруженной борьбы в Сибири начала 1920-х гг. были достигнуты достаточно серьезные успехи. Как положительный фактор отметим проведение трех специальных конференций, посвященных Западно-Сибирскому восстанию 1921 г., материалы которых были опубликованы³.

Но наиболее крупным достижением постсоветской историографии стало введение в научный оборот широкого круга разнообразных источников, характеризующих общественно-политическую ситуацию в Сибири после ее освобождения от колчаковцев, политику советской власти по отношению к местному населению и содержащих разностороннюю информацию обо всех мятежах, произошедших в Сибири в начале 1920-х гг.: время их возникновения и охваченная территория, численность и состав участников и руководителей, лозунги, боевые действия повстанцев и направленные на их подавление советские войска, результаты борьбы. В числе опубликованных имеются уникальные документы как повстанческой стороны (воззвания, оперативная переписка, боевые донесения), так и материалы карательных органов советской власти: губернских чрезвычайных комиссий, уездных политбюро, революционных и военно-революционных трибуналов⁴. Опубликованные источники являются ключевыми для понимания подлинных причин повстанческого движения, его движущих сил, характера, хода и трагического финала. Введенные к настоящему времени в научный оборот документы позволяют сделать следующие основные выводы.

Открытая вооруженная борьба против коммунистического режима на территории Сибири началась в мае 1920 г. мятежом в Причерном крае Барнаульского уезда Алтайской губернии («роговщина»), который возглавили анархисты Г. Ф. Рогов и И. П. Новоселов, и завершилась в мае 1924 г. убийством в Хакасском уезде Енисейской губернии командира Горно-конного отряда имени Великого князя Михаила Александровича И. Н. Соловьева, не чуждавшегося монархических лозунгов и армейской атрибутики царских времен.

Анализ источников позволяет утверждать, что в 1920 г. произошло пять крупных антикоммунистических вооруженных выступлений в Западной и шесть — в Восточной Сибири, в 1921 г. — пять в Западной и одно — в Восточной Сибири. Сокращение количества восстаний в 1921 г. по сравнению с 1920 г. (при явном преобладании числа мятежников в 1921 г. по сравнению с 1920 г.) объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, несколько мятежей, самостоятельно возникших в феврале 1921 г. на территории Тюменской губернии и в прилегавших к ней уездах Омской, Екатеринбургской и Челябинской губерний, по сути дела, слились в один мятеж, получивший название Западно-Сибирского. Во-вторых, если в 1920 — начале 1921 г. мятежи, как правило, предшествовали организации партизанско-повстанческих отрядов и районов, то с середины 1921 г. последние стали возникать как бы исподволь, постепенно, минуя такую стадию и «открытую» форму борьбы, как мятеж. Именно таким образом в 1921 г. возникли довольно устойчивые очаги вооруженного сопротивления в Горном Алтае под руководством И. П. Кайгородова («кайгородовщина»), на юге Ачинского уезда Енисейской губернии во главе с И. Н. Соловьевым («соловьевщина»), в Балаганском уезде Иркутской губернии под руководством Д. П. Донского, братьев В. И. и К. И. Черновых и некоторые другие, просуществовавшие от нескольких месяцев до полутора-двух лет.

Представить полные данные о численности участников этой борьбы за весь исследуемый период пока не представляется возможным из-за пробелов в статистике за несколько месяцев 1921 и 1922 гг. Однако в принципе динамика повстанческого движения в Сибири выяснена. В ней совершенно четко прослеживаются два крупных пика.

Первый из них пришелся на лето 1920 г. В июле 1920 г. только в Западной Сибири численность мятежников составляла 23–25 тыс. чел. Самое крупное соединение мятежников — оперировавшая в Степном Алтае Народная повстанческая армия — в общей сложности насчитывало около 18 тыс. чел. Большее количество мятежников на территории советской России в это время было только в двух военных округах: Орловском и Северо-Кавказском.

Второй, еще более мощный, взрыв повстанческого движения в Сибири произошел в феврале–марте 1921 г. Тогда численность мятежников составила как минимум 30 тыс. чел. в феврале и 40 тыс. — в марте. В конце зимы — начале весны 1921 г. по количеству мятежников Сибирь вышла в советской России на первое место, опередив Орловский военный округ с его знаменитой «антоновщиной» и Петроградский округ, где находился мятежный Кронштадт. Основное количество сибирских повстанцев в это время находилось в Омской и Тюменской губерниях. Но примерно с середины весны 1921 г. на-

чался спад их численности: 16 тыс. чел. в конце апреля, 8 тыс. — в конце мая, немногим более 5 тыс. — в июне 1921 г.

Как правило, районы партизанско-повстанческого движения были довольно четко очерчены. В каждом конкретном случае масштабы территории, на которой мятежникам удалось ликвидировать коммунистические порядки и установить свой контроль, были различны. В тех случаях, если советские власти действовали против повстанцев быстро и решительно, мятежникам удавалось утвердиться всего в нескольких населенных пунктах. Таковыми по своему размаху оказались Голопуповское восстание в Канском уезде, Голуметское — в Черемховском, Евсеевское и Ново-Удинское — в Балаганском, Серезжское — в Ачинском уезде, происшедшие осенью 1920 г. Причем после разгрома всех этих мятежей нигде, за исключением Евсеевской волости, очагов сопротивления не сохранилось.

Но чаще всего мятежи охватывали несколько волостей. Например, роговцы в мае—июне 1920 г. оперировали на территории почти двух десятков волостей, Бухтарминский (июль—август 1920 г., Усть-Каменогорский уезд), Вьюнско-Колыванский (июль—август 1920 г., Новониколаевский и Томский уезды) и Сорокинский (январь—февраль 1921 г., Причерный край Барнаульского уезда) мятежи также поразили примерно по два десятка волостей каждый.

В ряду мятежей начала 1920-х гг. своими территориальными размерами выделялись два восстания: в Степном Алтае летом 1920 г. (Народная повстанческая армия) и Западно-Сибирский мятеж 1921 г. Первый из них охватил смежные волости Барнаульского, Змеиногорского и Славгородского уездов Алтайской губернии, Павлодарского и Семипалатинского уездов Семипалатинской губернии. Границы второго были еще значительнее. Повстанцы свергли коммунистов и вели бои на территории от Камышлова и Шадринска на западе до Тары и Омска на востоке, от Обдорска на севере до Каркаралинска на юге. По своим масштабам — по количеству участников и по размерам охваченной территории — Западно-Сибирский мятеж был самым крупным восстанием за все годы коммунистического правления в России.

В территориальном разрезе довольно хорошо прослеживается еще одна тенденция. Если мятежи 1920 — первой половины 1921 г. происходили преимущественно в лесостепных районах с преобладанием русского и русскоязычного населения, то во второй половине 1921 — начале 1924 г. партизанско-повстанческая борьба велась, главным образом, на окраинах, в горно-таежных районах Алтая, Хакасии и Якутии с преобладанием или большой долей аборигенного населения.

Причин такого территориального «сдвига» было несколько. Главными из них являлись политические и военно-географические фак-

торы. Если в условиях «военного коммунизма» продразверстка почти не затронула население национальных районов, а для части деревенской бедноты, жившей за счет государственного обеспечения и внутриволостного перераспределения, даже была выгодна, то с введением продналога ситуация резко изменилась. Платить налог пришлось всем категориям крестьянства, в том числе беднякам национальных районов, что вызвало его недовольство и обусловило включение в вооруженную борьбу против коммунистов. В Якутии ситуация к тому же была усугублена политикой местного партийно-советского руководства по отношению к зажиточному крестьянству (тойонам) и в религиозном вопросе. Удаленность национальных районов от крупных городов, где в основном дислоцировались войска Красной армии и коммунистические части особого назначения, а также суровые природно-климатические условия в большей степени благоприятствовали ведению в них партизанско-повстанческой борьбы, нежели в центральных районах Сибири.

Восстания и партизанско-повстанческие очаги возникали в Сибири в силу многих обстоятельств и причин. В каждом конкретном случае был разным не только их набор, но и субординация. Если эти причины структурировать, то можно выделить три основные группы и, соответственно, три разных уровня. К первой группе причин, которой условно соответствует стратегический уровень, следует отнести идейное неприятие частью населения Сибири советской власти в принципе и ее коммунистического варианта в частности. Ко второй группе можно отнести причины тактического плана: недовольство политикой и конкретными мероприятиями советской власти (например, созданием ревкомов, продразверсткой, военными и трудовыми мобилизациями, продналогом, религиозной политикой). Третья группа — это причины ситуативного характера: озлобление населения злоупотреблениями и жестокостью представителей местной власти.

Можно утверждать, что первая группа причин сыграла решающую роль в возникновении роговского мятежа, проходившего под анархическими лозунгами безвластия. Она же обеспечила включение в борьбу сторонников Учредительного собрания (их участие прослеживается в ряде восстаний) и восстановление дореволюционных порядков (Бухтарминский мятеж, отряды бывшего комиссара Временного правительства по Верхоленскому уезду Н. П. Большедворского, есаулов И. П. Кайгородова и И. Н. Соловьева, полковника А. Р. Олиферова и ряд других формирований, возглавлявшихся, как правило, бывшими офицерами). Вполне закономерно, что люди, вставшие на путь борьбы с коммунистической властью по идейным соображени-

ям, оказали ей наиболее упорное и продолжительное сопротивление, в большинстве случаев погибнув в этой борьбе.

Вторая группа причин оказала наибольшее влияние на возникновение Народной повстанческой армии Степного Алтая, Вьюнско-Колыванского, Лубковского, Сereжского, Голопуповского, Евсеевского, Ново-Удинского и Молькинского мятежей, произошедших летом—осенью 1920 г.

Третья группа факторов (красный террор и красный бандитизм, проведение политики классового расслоения среди якутского крестьянства, преследование национальной интеллигенции, борьба с шаманами) вызвала в 1921–1922 гг. восстание в Якутии, которое, по признанию коммунистического руководства Сибири, приняло национальный характер.

Но наибольшую массовость повстанческому движению обеспечили наложение и пересечение второй и третьей групп факторов. Недовольство коммунистической политикой, помноженное на возмущение произволом продовольственных работников, продотрядников и чоновцев, сначала привело к повторной вспышке восстания в январе—феврале 1921 г. в Причерном крае (Сорокинский мятеж, около 5 тыс. участников), а затем к возникновению мощного Западно-Сибирского восстания.

Что же касается утверждения советских историков о решающей роли контрреволюционного подполья в подготовке восстаний в Сибири, то оно было некритически заимствовано ими из агитационной литературы большевиков, из документов руководства органов ВЧК и ревтрибуналов. Применительно к восстаниям 1920 г. на несостоятельность этих оценок еще в начале 1921 г. обращали внимание инициатор создания Сибирского крестьянского союза энесов В. И. Игнатьев и председатель Сибирского революционного комитета И. Н. Смирнов⁵ — человек, не только располагавший наиболее полной информацией, но и способный ее трезво оценить. Косвенным подтверждением правильности такого вывода является отсутствие среди политических и военных руководителей повстанцев 1920 г. членов эсеровской партии или людей, сколько-нибудь известных по своей предшествующей деятельности в других антикоммунистических структурах.

Вывод о непричастности Сибирского крестьянского союза к подготовке мятежей необходимо распространить и на Западно-Сибирское восстание. Анализ архивно-следственных материалов по делу руководителей Сибирского крестьянского союза, участников Ишимского, Тобольского и Тюменского «заговоров», омской белогвардейской организации Н. П. Густомесова свидетельствует о том, что в действительности они не имели никакого отношения ни к Сибирскому крестьянскому союзу, ни к подготовке какого-либо

восстания. Поэтому мятежи 1920 — начала 1921 г. в Сибири необходимо рассматривать преимущественно как проявление стихийного протеста местного населения.

Последнее отнюдь не означает, что не было абсолютно никакой подготовительной работы накануне восстаний. Архивно-следственные материалы на участников Роговского, Лубковского, Бьюнско-Кольванского, Серезжского, Ново-Удинского и Сорокинских мятежей не оставляют сомнения в том, что предварительная агитационная и организационная работа проводилась, но всего за несколько дней до открытого выступления и исключительно местными силами. Что же касается Западно-Сибирского восстания, охватившего в течение каких-то десяти дней огромное пространство, то причины такой синхронности локальных выступлений нужно видеть в совпадении основных направлений, форм и методов деятельности местных властей, давших везде примерно одни и те же результаты: крайнюю степень озлобления населения, поставленного работодателями на грань жизни и смерти и в конечном счете вставшего на путь вооруженного сопротивления.

Источники позволяют утверждать, что в мятежах и партизанско-повстанческом движении в Сибири начала 1920-х гг. приняли участие все слои местного населения за исключением рабочих. В рядах борцов против коммунистического режима находились крестьяне и казаки, интеллигенты и инородцы, кустари и торговцы. Однако степень участия разных категорий населения в этой борьбе была неодинаковой. Наибольшей активностью отличались интеллигенты, особенно бывшие офицеры и священнослужители, а также казаки. В абсолютном отношении среди повстанцев преобладали крестьяне.

В то же время социальный состав участников разных мятежей, отрядов и очагов партизанского сопротивления не был одинаковым. Такое различие отражало как специфику состава населения разных районов Сибири, так и особенность времени борьбы. Тем не менее главной фигурой вооруженного движения в масштабах всей Сибири всегда были русские крестьяне. Причем в их числе находились представители абсолютно всех социальных групп: старожилы, новоселы и неприписанные, кулаки, середняки и бедняки. В 1920 г. особенно большой процент середняков и бедняков был в Народной повстанческой армии Степного Алтая, в первой половине 1921 г. — среди сорокинских мятежников и западносибирских повстанцев. Со второй половины 1921 г. бедняки и середняки безусловно преобладали во всех партизанско-повстанческих районах и отрядах.

Но отдельные мятежи и очаги борьбы имели с точки зрения состава ее участников ярко выраженную специфику. Так, отличительной чертой Роговского мятежа являлось преобладание деревенских

низов маргинально-люмпенского типа, Бухтарминского мятежа — преобладание казаков. Казаки были главными действующими лицами в Кокчетавском и, видимо, в Петропавловском уездах во время Западно-Сибирского восстания. Нельзя не отметить активность в повстанческом движении 1920 г. еще одной категории населения — бывших партизан, ранее сражавшихся против колчаковцев. Они составляли руководящее ядро Роговского и Лубковского мятежей. Заметный процент бывших партизан имелся в Народной повстанческой армии Степного Алтая. Высокий удельный вес алтайского, бурятского, хакасского и якутского населения был среди повстанцев и партизан, действовавших на национальных окраинах Сибири.

Точно так же не был однородным состав руководителей вооруженного сопротивления. В их числе было довольно много крестьян, одни из которых (П. К. Лубков, Ф. Д. Плотников, Г. Ф. Рогов) уже имели значительный военный и политический опыт, а другие (Д. П. Донской, И. Н. Соловьев, А. Г. Черепанов) были в политике не искусными новичками.

Обращает на себя внимание довольно высокий удельный вес в партизанско-повстанческих формированиях на командных должностях кадровых офицеров и офицеров военного времени, как правило, выходцев из сельской интеллигенции. Например, кадровые казачьи офицеры руководили Бухтарминским мятежом. С середины июля 1920 г. Народной повстанческой армией Степного Алтая командовал кадровый офицер, житель станицы Ямышевская Павлодарского уезда есаул Д. Я. Шишкин. Младшие офицеры военного времени возглавляли Вьюнский повстанческий штаб колыванских мятежников. Сотрудники 33-го полевого строительства, дислоцировавшегося в Ишимском уезде, заняли командные и штабные должности в Южной Ишимской дивизии во время Западно-Сибирского мятежа. И этот перечень можно продолжить.

Вместе с тем необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, почти за четыре года вооруженной борьбы населения Сибири с большевиками сколько-нибудь крупных политических фигур на повстанческом горизонте так и не появилось. Единственным исключением можно считать А. Е. Корякова, который после оставления Тобольска красными был избран председателем временного городского совета. В 1917–1918 гг. А. Е. Коряков возглавлял организацию эсеров Акмолинской области. Но при повстанцах он свою принадлежность к эсеровскому руководству как минимум не афишировал, не исключено даже, что скрывал. Другими словами, ни одна политическая партия, ни одна организационная структура не пришли на помощь сибирякам своими интеллектуальными и организационными силами. Повстанцы были вынуждены полагаться только на себя.

Во-вторых, в ряде случаев мятежники сознавали недостаток грамотного, квалифицированного руководства, необходимость иметь во главе движения авторитетных лидеров, людей с военными знаниями или хотя бы со званием. В таких случаях они прибегали к довольно испытанному на Руси приему — самозванству. Так, один из руководителей Сорокинского мятежа присвоил себе фамилию командира дислоцировавшегося в Барнаульском уезде 26-го кавалерийского полка Красной армии А. В. Виноградова, среди военных руководителей западносибирских мятежников появились «полковник Генерального штаба Кудрявцев» и «генерал Белов».

Принципиально важно указать еще на одно обстоятельство: на реальное положение офицеров в партизанско-повстанческой среде. Оказывается, что в действительности полноправными командирами являлись лишь некоторые из них: Д. Я. Шишкин, А. Р. Олиферов, И. П. Кайгородов. Большинство же являлись «техниками», «спецами», использовались мятежниками (иногда в принудительном порядке) в качестве военных руководителей, как это практиковали коммунисты, создавая регулярную Красную армию. Отношение к таким офицерам со стороны повстанцев было довольно жестким и даже жестоким. Например, когда западносибирские мятежники стали терпеть поражение, часть бывших служащих 33-го полевого строительства была ими физически уничтожена по обвинению в предательстве. Такая же участь постигла имевшего звание поручика учителя А. В. Родина, сначала командовавшего Налобинским (Петропавловским) боевым участком, затем служившего начальником штаба Ишимского фронта, а потом ставшего командующим Сибирским фронтом повстанцев.

Спектр партийно-политических ориентаций руководителей партизанско-повстанческого движения в Сибири был исключительно широким: от анархистов до монархистов. Однако именно эти крайние группы были наименее многочисленными. Некоторые командиры ограничивались только антикоммунистическими лозунгами, не предлагая ничего взамен или полагая, что народ в последующем сам решит вопрос о государственном устройстве России.

Приведенные факты убедительно опровергают характеристику партизанско-повстанческого движения в Сибири как преимущественно кулацкого по своему социальному составу и белогвардейско-эсеровского по руководству. Эсеров на руководящих и командных должностях в рядах мятежников практически не было. Что касается офицеров, оказавшихся в силу разных обстоятельств и причин в повстанческом лагере, то зачислять из всех в ряды белогвардейцев нет абсолютно никаких оснований. В действительности все движение в целом и его руководящее ядро были сложными по своему социальному составу, что диктует необходимость конкретного и диффе-

ренцированного анализа каждого мятежа и каждого партизанско-повстанческого района.

Разнообразие породивших партизанско-повстанческое движение Сибири причин, неоднородность социального состава мятежников, отсутствие единства в политических ориентациях их руководителей объективно обусловили совпадение первоочередных и различие последующих целей и задач. Абсолютно весь командный состав повстанцев сходил на необходимости уничтожения единовластия коммунистов. Но дальше в среде мятежников начинались разногласия. Одни (роговцы) выступали за устройство безвластных самоуправляющихся общин, другие — за советы без коммунистов, третьи — за Учредительное собрание, четвертые — за организацию буфера по типу Дальневосточной республики, пятые считали нужным вернуться к дофевральским порядкам, но при этом расходились в определении монаршей кандидатуры. Нередко бывало так, что в ходе одного и того же восстания выставлялись разные и даже взаимоисключающие лозунги (так было во время Вьюнско-Колыванского восстания).

Несмотря на такую широкую палитру политических требований, все же основная масса сибирских мятежников поднялась на вооруженную борьбу под лозунгом «За советы без коммунистов». Причем во многих районах, уничтожив в ходе восстаний большевистские ячейки, сельскохозяйственные коммуны и совхозы, повстанцы на практике приступили к созданию беспартийных советов. В тех случаях, когда местные советы состояли из пользовавшихся доверием местного населения людей, не скомпрометировавших себя сотрудничеством с коммунистическими властями, они не подвергались реорганизации. Во всех остальных случаях состав советов заменялся новыми членами.

Следовательно, квалифицировать партизанско-повстанческое движение в Сибири как антисоветское и направленное на реставрацию буржуазно-помещичьих порядков нет никаких оснований. Правильнее характеризовать политические устремления повстанцев как антикоммунистические (и только в этом смысле контрреволюционные), имевшие целью установление советской власти демократического типа, избавленной от диктата одной коммунистической партии.

По своей численности, территориальным размерам, продолжительности и упорству борьбы антикоммунистическое вооруженное движение начала 1920-х гг. превосходило антиколчаковское партизанское движение. И тем не менее в отличие от последнего оно потерпело поражение. Причины такого финала видятся не только в слабости, присущей каждому движению, имевшему в качестве своей главной социальной опоры крестьянство со всеми его недостатками

и пороками. Дело еще и в том, что партизаны, боровшиеся против диктатуры А. В. Колчака, имели мощного союзника в лице советской России и Красной армии, против которых были направлены главные силы колчаковцев и которые являлись для повстанцев серьезной моральной поддержкой. Мятежники начала 1920-х гг. такой поддержки не имели. Существовавшие в Монголии и Китае остатки белых вооруженных формирований, которые коммунистическое руководство Сибири пыталось представить как их потенциального союзника и даже реального помощника, таковыми не только не являлись, но и до мая 1921 г. такой задачи перед собой не ставили.

Двумя другими важными факторами, объясняющими поражение антикоммунистического движения в Сибири, нужно считать наличие у коммунистического режима довольно широкой социальной опоры, в том числе внутри самого сибирского крестьянства, а также решительность и жестокость, с которой советская власть расправилась со всеми противниками. Только жестокое подавление летних восстаний 1920 г. объясняет тот факт, что весной 1921 г. алтайское крестьянство, за исключением его небольшой части, не поднялось вновь с оружием в руках против коммунистов, хотя большевистское руководство Сибири такое восстание ожидало.

Поражение повстанцев Сибири не означало, как считали советские историки и продолжают считать многие современные авторы, что борьба, которую они вели, была абсолютно бесцельной и бессмысленной, что она не оказала никакого влияния на ход развития России. Утверждать так абсолютно неверно. Несмотря на удаленность от промышленных центров, являвшихся опорой советской власти, мятежи сибирского населения представляли для коммунистического режима серьезную опасность, поскольку в то время Сибирь наряду с Северным Кавказом являлась основным источником продовольствия для Красной армии, Москвы и Петрограда.

Более того, можно утверждать, что в феврале–марте 1921 г. в истории России возникла уникальная ситуация, когда вопрос о власти в стране решался не в столице, а на просторах Западной Сибири. Повстанцы, перерезав обе линии Транссибирской железнодорожной магистрали и лишив тем самым европейскую Россию сибирского хлеба и мяса, поставили советскую власть на край пропасти. Сказанным объясняются как экстренность мер по переброске частей регулярной Красной армии на разгром мятежа, принятых партийно-советским руководством и военным командованием, так и жестокость, с которой осуществлялась его ликвидация.

Хорошо известно, что в конце 1920 — начале 1921 г. именно из Сибири — как от простых крестьян, так и от партийно-советских работников — больше всего последовало в адрес центральных органов

и самого В. И. Ленина предложений о замене разверстки продналогом. Но они не были восприняты партийно-советским руководством страны. Самым убедительным аргументом в пользу изменения продовольственной политики советской власти стали массовые вооруженные выступления населения Сибири.

Вооруженное сопротивление начала 1920-х гг. оказало влияние и на национальную политику РКП(б). Согласие большевистского руководства на создание в 1922–1923 гг. в Сибири таких национальных автономных образований, как Якутская автономная социалистическая республика, Бурят-Монгольская автономная область, Ойротская автономная область и Хакасский уезд, также было добыто кровью, пролитой повстанцами в горах Алтая и Хакасии, в якутской тайге.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Басманов В. И.* Кулацко-эсеровский мятеж 1921 г. в Тюменской губернии (к историографии вопроса) // Уч. зап. Тюменского гос. университета. Тюмень, 1976. Т. 34; *Историография крестьянства советской Сибири.* Новосибирск, 1976. С. 53–59, 100–107; *Шишкин В. И.* Советская историография 20-х — начала 30-х годов о борьбе против вооруженной контрреволюции в Сибири после разгрома Колчака // Вопросы историографии социалистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1976. С. 44–58; *он же.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии // Acta Slavica Iaponica. Japan, Sapporo, 2000. Т. XVII. С. 100–111; *Скитина И. В.* История крестьянского восстания 1921 г. в Западной Сибири в исследованиях 20-х гг. // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4.

² Подробнее см.: *Шишкин В. И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 2001. С. 137–175.

³ История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года. Тюмень, 1996. 106 с.; Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны. Ишим, 2001. 148 с.; Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.): Сборник научных статей. Ишим, 2006. 264 с.

⁴ *Шишкин В. И.* Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. 710 с.; *он же.* «Разбейся в доску — сдай разверстку!» Советская продовольственная политика в Ишимском уезде Тюменской губернии (сентябрь 1920 — январь 1921 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 2.

С. 61–68; Сибирская Вандея. 1919–1920: Документы: в 2 т. / Сост. и научный ред. В. И. Шишкин. М., 2000. Т.1. 644 с.; Сибирская Вандея. 1920–1921: Документы: в 2 т. / Сост. и научный ред. В. И. Шишкин. М., 2001. Т. 2. 776 с. Значительное количество нового архивного материала о повстанческом движении в Хакасии ввел в научный оборот А. П. Шекшеев и в Якутии — В. И. Пестерев.

⁵ *Шишкин В. И.* Сибирская Вандея. С. 704.